

« Ау с Коктебельских гор».

МОЙ КОКТЕБЕЛЬ 55

Трудно сказать, чем привлекал этот маленький поселок, приютившийся в бухте и окруженной холмами, поросшими полынью и колючками. Только на западе холмы превращаются в невысокие лесистые горы, носящие причудливые татарские названия: Сюрюк- Кая, Кок- Кая и нависший над морем скалистый Карадаг. Стала ли эта мрачноватая бухта столь привлекательной, если бы Макс Волошин не опозтизировал ее, не запечатлел в ней богатство своей личности и фантазии?... Он поднимал выброшенный на берег кусок дерева и кричал жене:

« Маруся, смотри, это же обломок корабля Аргонавтов!»... Его любило пространство, он слышал зов будущего и зов прошлого, он видел огни турецких и греческих поселений, отделенных лишь полоской моря- великого Черного моря. В начале века он обошел с посохом ,в тунике и сандалиях все окрестные долины и перевалы, и в скитаниях его, несших «заветы нищенства», воистину воплотились «...мечты всех троп,

сомнения всех дорог...» Да, если бы не он, то неизвестно, какая судьба постигла Коктебель. Но он был, и Коктебель состоялся.

Вокруг Волошинского дома возник Дом творчества Советских писателей, и потянулись туда люди очень разные, многим из которых белое иночество и заветы нищенства были также чужды как Волошину было чуждо их сребролюбие и стяжательство.

Но не будем судить их строго: сплошь да рядом это были талантливые люди, порожденные своей эпохой и ее системой ценностей.

Я впервые попал в Коктебель в 1955 году, не сознавая по молодости лет, свидетелем какого времени являюсь. А ведь это было совершенно особое время : тиран умер, но созданная им элита- это привилегированное, своего рода дворянское сословие, продолжало жить по законам прежнего времени. Они были авторами книг и поэм, восхвалявших Сталина, они были лауреатами его премий, они пользовались всеми благами, которые открыла им его великая эпоха.

Кое кто из них, заплативший годами тюрем и лагерей за радости этой эпохи, возвращался в родное гнездо, и поток свободомыслия уже начал подмывать фундамент волшебного замка, в декорациях которого они сами когда то принимали участие. Но пока замок еще стоял, и фундамент казался незыблемым. Это потом появились разночинцы-

шестидесятники, все эти Высоцкие, Галичи, Окуджавы-нигилисты и ниспровергатели тех ценностей, которыми жили люди 50-х годов. Это было потом.

А сейчас по аллеям писательского парка гуляла прекрасная Тамара Макарова, покинувшая «Маскарад», где совсем недавно вальсировала под музыку Хачатуряна, а рядом с ней в темных очках, щеголяя английскими словечками шел будущий главный редактор Иностранной литературы- Александр Чаковский.....Много лет спустя, когда он был уже главным редактором «Литературной газеты» я написал рассказ о другой пленившей меня киноактрисе-Дине Дурбин. Под этим названием рассказ и появился в первых номерах тиража. Однако Главный спохватился: с какой это стати в его газете печатается рассказ об американской актрисе, вызывающе названный ее именем. (У нас с США в этот момент были какие-то очередные натянутые отношения) Рассказ срочно переименовали, и во всем остальном тираже он фигурировал уже под вполне домашним названием: « Где-то на Плющихе ».Вот какой это был строгий человек! Но это- так, к слову...Сейчас ж на лавочке в тени, радуясь возвращению жены с маскарада, сидел Сергей Герасимов, а на пляже, на неповторимом Коктебельском пляже, сложенным из агатов, холцидонов и сердаликов, среди других обнаженных женских тел лежала (и пусть «

Антон Иванович сердится » сколько угодно) сама Людмила Целиковская.

Однажды мне случилось загорать неподалеку от Бориса Полевого, автора знаменитой «Повести о настоящем человеке». Он, как сейчас помню, сидел на кромке воды, позволяя легким волнам ласкать вытянутые ноги и рассказывал, лежащему рядом собеседнику о картине, которую недавно купил. Помню такие слова: «Приходишь домой, настроение хреновое, посмотришь на нее и на душе как-то лучше становится». «Боже мой- подумал я- и у такого человека бывает хреновое настроение».

Это были поэты, писатели, композиторы, актеры, создавшие замечательное декоративное искусство, заморозившее ни одно поколение. И в центре этого искусства стоял человек, над образом которого неустанно работали все. И работали не напрасно: люди шли на лишения, на каторгу, умирали с его именем на устах, были уверены, что они любят его. Но любили они не его, не человека, которого большинство из них и в глаза-то не видел- они любили его образ.....Да как же было его и не любить..... Кто из нас не помнит?Вот он стоит на площадке вагона перед открытой дверью- в шинели, с трубкой в руке. Поезд идет вдоль линии фронта. Рядом с вагоном разрывается снаряд: летят камни, валятся деревья. Он слегка поворачивает голову,

кладет трубку в рот- затягивается, задумываетсяВот спешной походкой входит в кабинет Ленин, сразу поворачивается к секретарше: «Попросите, пожалуйста, товарища Сталина». И вот он появляется: не торопясь, не суетясь- полный какой-то изумительной пластики. Вот он поправляет телефонный провод, и сразу же в зале и в мире воцаряется тишина. Сейчас он заговорит, раздастся этот спокойный, глуховатый голос, который все проблемы решает одной интонацией. Человек-это стиль. Какой стиль! Какой человек!

И вот его не стало: он сошел со страниц книг, с полотен картин, с экранов кинотеатров. Не спеша, ступая в мягких своих сапогах, с таинственной улыбкой- он нас покинул. Но созданный в его эпоху и ради его прославления декоративный стиль не нарушился ни на йоту. Шахтеры не пересели на Горбатый мост, чтобы стучать касками о мостовую (какое грубое нарушение стиля!)-нет, они, как им было и положено, поздними вечерами шли с забоя, напевая тихие песни, а дома их ждали верные подруги. Молодые ребята с комсомольскими значками на груди по-прежнему стояли на границе, сурово всматриваясь в даль, готовые в любой момент пожертвовать жизнью, чтобы враг не ступил на родную землю,..... а дома их тоже ждали верные подруги. Подруги вообще всегда ждали: ждали, когда парни уходили на позицию, когда бросались в схватку, когда уплывали в рейс, когда уходили на смену-

все ждали и ждали, такова уж была их участь- можно было только дивиться их терпению.

Правда? иногда они и сами заставляли ждать, когда, скажем, зачитавшись, забывали про парня, который всю ночь ходил под окном, не смея помешать, а утром у проходной обсуждали прочитанное. Было и такое.

Очаровательные сказки. Как сладко дремал я под них в свои 20 лет. А создатели этих сказок были рядом со мной: в писательском парке, в Лягушиных бухтах, по дороге на Янышары.....

Но Волошинский дом жил своей жизнью. Там собирались не народные артисты, не лауреаты, а просто люди, которых судьба когда-то свела с Максом Волошиным, или их друзья (к ним относилась и моя мама), или друзья друзей, или их дети. По вечерам часто музицировали, по праздникам ставили шарады, в жаркие дни, а их было немало, сидели на открытой веранде и неспешно общались.

В центре была конечно Мария Степанна- Маруся, как ее звали близкие. Она была весьма уже немолода (хотя как все это относительно!), с широким лицом, коротко подстриженными седыми волосами, узкими глазками и легкими седыми усиками над верхней губой. Она была задумчива и как-то малоподвижна, что ,впрочем, и не

требовалось, так как, в основном, все двигались к ней, все двигалось вокруг нее. Мне всегда казалось, что она присутствует с нами лишь частично, а большая часть ее существа находится в каком-то другом времени- может быть в том, где Макс бежал по пляжу с деревяжкой, вынесенной из моря, крича: « Маруся, смотри, это же осколок корабля Аргонавтов!».....Она выработала способность ровно общаться с совершенно разными людьми, как непосредственно ее окружавшими, так и приходившими познакомиться и поклониться. Со всеми она была приветлива и немного отстраненна, всем она знала цену, хотя редко позволяла себе это показывать.Помню как однажды она с усмешкой крутила в руках записку, которую прислала ей Шагинян. Та просила принять какого-то человека, приезжающего в Коктебель. «.....Вот Мариетта пишет- это наш простой советский человек.....Интересно, что это может для меня значить?».

В памяти моей рядом с Марией Степанной неизменная Гунночка (так ее прозвал Макс- почему не знаю). Этакая , вот уж точно, старушечка: маленькая, толстенькая, с седыми кудряшками- преданная и восторженная. Гунночка пела, аккомпонируя себе на рояле, разные песни и романсы, из которых мне особенно запомнился «Ал разлив огня». Потом я узнал, что мотив романса был взят из украинской песни, а слова написаны , видимо, каким-то декадентским поэтом.

« Ал разлив огня,
В зареве закат.
Прожитого дня
Не вернуть назад.
И все ближе, глуше, тише
Шелест ветра в старой крыше,
И тревожней вечер дышит,
И черней тоска.....»

А от Марии Николавны Изергиной, у которой в Коктебеле был свой домик, где иногда гостила Анастасия Иванна Цветаева, я впервые услышал романс, весьма потом популярный,но тогда, на берегу моря, под россыпями звезд, среди уснувших холмов- это звучало так пронизывающе: «...Умру ли я , ты над могилой, гори, гори моя звезда.»

Да, в гостиной у Марии Степанной по вечерам часто музицировали или просто сидели за столом и болтали. Всех развлекала Изюмка, прозванная так родителями, которых когда то поразило сморщенное личико новорожденной. У Изюмки как то не сложилась судьба в Художественном театре, и она начала писать и исполнять собственные миниатюры, первыми слушателями которых мы и были. Потом она стала известна, можно сказать, знаменита, и когда несколько лет тому

назад умерла, то Эдуард Успенский сказал, что из «Нашей гавани» ушла поистине народная актриса- Елизавета Ауэрбах.

Но читала Изюмка не только свои миниатюры: от нее я впервые услышал дивные Волошинские строки:

« Обманите меня.....Но совсем, навсегда....

Чтоб не думать зачем, чтоб не помнить когда...»

А однажды вечером, когда мы гуляли с ней по окрестностям Коктебеля, и воздух был напоен стрекотом цикад и истомой полыни, она вдохновенно читала мне наизусть рассказ Алексея Николаевича Толстого «Гадюка».

А вот наша общая любовь- Любочка Назаревская. Старая Коктебелька, без которой я Волошинский дом как-то и не представляю. Она всегда была там- худенькая, небольшого роста, с приветливой улыбкой и неизменной папирской. Она всю жизнь проработала в Камерном театре, заведовала, если не ошибаюсь, костюмерным отделом, хорошо знала артистическую среду, но во время общих разговоров предпочитала помалкивать, улыбаться и покуривать. Она наверно много помогала Марии Степанне по хозяйству, но все это делалось как-то незаметно. Конечно, она была одинока, конечно- небогата. В Москве, в коммунальной квартире в Сивцевом Вражке у нее

была небольшая комнатка, вся увешенная рисунками и фотографиями. Я регулярно бывал у нее на «Веру, Надежду, Любовь». Особое место среди фотографий занимал портрет Горького, на которого она неслучайно очень походила лицом: Любовь Алексеевна была его внебрачная дочь. У нее была трудная жизнь, которая ее не озлобила: она была расположенный к людям и очень трезвый человек.

Последний раз я видел ее в больнице, где она лежала с переломом шейки бедра. Уходя, я задал ритуальный вопрос: что принести, когда приду навестить ее, теперь уже дома. «Ничего, милый, не надо», - ответила она- я мечтаю только о двух вещах: накуриться и проср...ся».

Я вполне отдаю себе отчет в том, что, если у этих мемуаров найдется читатель, и, если этим читателем окажется старый Коктебелец, то он законно упрекнет меня в том, что я не упомянул и десятой доли тех интересных людей, которые в те годы сидели на веранде Волошинского дома или гуляли по аллеям писательского парка. Но что поделать- тогда, в свои 20 лет я был в основном занят собой, своей молодой женой и очень мало внимания обращал на события, которые вокруг меня происходили, и людей, которые меня окружали. И все же, о трех из них, не имевших между собой ничего общего и никак, практически, не связанных, мне хотелось бы рассказать отдельно. Вот они.

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ ФАТЬЯНОВ.

В 50-х годах преферанс вновь вошел в моду: играли и в Московских квартирах, и, разумеется, на всякого рода курортах.

В Коктебеле я попал в преферансную компанию, где лидером был небольшого роста, шустрый, худенький человек по имени Александр Александрович. Он был писателем, хотя книг я его не читал. И все же книги, видимо, были, так как сам про себя он рассказывал милую историю, о том как шел по Кузнецкому мосту с новым знакомым, не подозревавшим, что его спутник- писатель. В книжной лавке Александр Александрович, увидел свою книгу и купил несколько экземпляров, а новый знакомый в удивлении воскликнул: ”Зачем вы такое барахло скупаете ?”

Играл Александр Александрович виртуозно. Собственно говоря, игры, как таковой, и не было: шла торговля, определялся играющий и вистующие, делалось 2-3 хода, а затем он рассказывал у кого какие карты, кто сколько возьмет взяток и сколько бы взял, если бы играл правильно.

Вот в этой -то компании я и познакомился с Алексеем Ивановичем Фатьяновым. Был он высок, дороден, волосы имел светлые, черты лица крупные: большой нос, большие щеки; выражение лица - приветливое и немного насмешливое.

Играл Алексей Иванович весьма посредственно, но очень рискованно: брал «в темную на бомбе», брал «горбатые мизера», много проигрывал, потом вдруг еще больше выигрывал, так что в конце концов все сходилось так на так. Впрочем, финансовая сторона его нисколько не интересовала - по нашим масштабам он был богатый человек и любил игру ради игры.

В то время он был одним из самых известных поэтов-песенников: на его стихи писали музыку такие тогда знаменитые композиторы как Мокроусов, Соловьев-Седой, Блантер, Богословский, его песни пели по радио, в кино, с эстрады, на улицах...

Не знаю эти ли стихи имел он в виду, когда сказал мне однажды такую горькую фразу: «Зачем создавать драгоценности, если за г... платят больше?» Я, помнится, не утерпел и спросил насчет драгоценностей: «А могли бы?» Он задумался. «Когда-то мог, а сейчас едва ли - исхалтурился».

Как многие деятели той эпохи, восхвалявшие строй, прятавшие свой светильник и работавшие на потребу дня, он мстил себе: порой нарочитым цинизмом, а чаще- бутылкой.

Я не помню его ни подвыпившим, ни тем более пьяным, но хорошо помню, как однажды в жаркое послеобеденное время зашел к нему- звать расписывать пульку. (У нас был такой обычай- после обеда, чтобы не спать, садиться играть). Он лежал на кровати в своем бунгало в одних трусах- толстый, огромный- а рядом стояла пустая бутылка водки. Я поразился: «Алексей Иванович, в такую жару?» Он махнул рукой. «Это мне, Володя, что слону дробина». И мы пошли играть.

....Мстил себе, разрушал свое богатырское здоровье, называл г..... песенки, которые распевала вся страна,... и в то же время любил эти песенки, любовался ими, и , когда я спросил его про фильм «Иван Бровкин», вышедший тогда на экран, сказал, что «какой фильм- не знаю, а песенки там -хорошие».

А песни его, в стилистике того времени, были действительно прекрасными. И у кого из людей моего поколения не защежит сердце, когда узнает что,

«Если б гармошка умела

Все говорить, не тая.....

Русая девочка в платице белом,

Где ж ты, ромашка моя?

.....»

Лето 55-года было самым счастливым в моей супружеской жизни. Алексею Ивановичу нравилась моя жена , и он сказал как-то, что вы конечно -прекрасная пара, но было бы интересно посмотреть этак лет через 10, что из этого получится. Слова его показались мне странными, и я ответил как человек, знающий, что говорит, что ничего не «получится»-все как есть, так и будет. Предполагал ли я тогда, что ни через 10 лет, а значительно раньше брак наш распадется, как карточный домик, и никто не потрудится собрать карты, перетасовать колоду и сдать по новой?. Но это уже другой сюжет.....

Алексей Иванович тоже был с молодой, рыжей женой- Галей, которая держалась как-то в тени и, насколько я помню, ничем себя особенно не проявляла.

В конце июля мне исполнился 21 год, и Мария Степанна предложила устроить по этому поводу чаепитие. Я как-то ненароком обмолвился об этом при Алексее Ивановиче, а тот воспринял это как приглашение и сказал просто: «Хорошо, спасибо, я приду».

Как я разнервничался! Рафинированное общество в гостиной Волошинского дома, чинное чаепитие, старинные романсы, может быть шарады.....и Алексей Иванович с его фривольными разговорами, циничными шуточками и бутылкой водки. Все это было несопоставимо, надо было что-то предпринять- но что? Сказать- не приходите- невозможно, заболеть- глупо..... Я советовался с женой, она тоже была смущена и тоже не знала, что делать.

Весь день накануне рождения я провел в тревоге, предчувствуя неудобство, которое может получиться... И как же я ошибался! Как мало разбирался в людях! Как глуп был в свои эти 20 с чем-то лет!

Начать с того, что, как оказалось, Алексей Иванович был хорошо знаком с Марией Степанной, пользовался ее симпатией и не раз бывал в доме. Он поднялся на террасу, можно сказать, всплыл на нее с берега морского- большой, элегантный, в светлом костюме, с букетом для хозяйки и подарочком для меня; был усажен в кресло и сразу же сделался центром нашего небольшого общества. Он не старался завладеть беседой- ему это было не надо: я думаю, он с удовольствием просто сидел бы и смотрел вокруг. Но он чувствовал, что от него ждут каких-нибудь историй из жизни литературной элиты и рассказывал эти истории мило, забавно и добродушно. Вместе со всеми он выпил бокал Шампанского и спокойно сидел до

конца вечера, никуда не торопясь, вплоть до того момента, когда все мы встали, поблагодарили хозяйку, поблагодарили этот Благословенный дом и спустились в стемневший сад.....а через дорогу, в нескольких шагах от нас, шумело и пенилось Благословенное Черное море.

И вот сейчас, по прошествии стольких лет, мне кажется, что я так хорошо запомнил этот вечер только потому, что на нем был Алексей Иванович Фатьянов.

Прошло еще какое-то время , и начался разъездной сезон, под традиционную песенку: “Миленький ты мой, возьми меня с собой и там, в краю далеком назови меня женой.....” Увы, быстро выяснялось, что “в краю далеком” у миленького уже есть и жена, и сестра, и возлюбленная. ...Все имеет свой конец.

Я не помню, когда уехали Фатьяновы, и кто из нас уехал раньше, не помню расставания.....Алексей Иванович возник для меня как бы ниоткуда, оказавшись, в один прекрасный день, за преферансным столом, и подмигнув как старому знакомому. Так же в никуда он и ушел- больше я его не встречал.

Рассказывали, что осенью 1959 года ему стало плохо и он попросил жену вызвать «скорую». Та бросилась к телефону, а он сказал ей: не надо- я умираю. Ему было 40 лет.

КУРТ ЗАНДЕРЛИНГ

В конце 50-х Курт Зандерлинг, второй после Мравинского дирижер Ленинградской филармонии, был кумиром Московской и Ленинградской консерваторской публики. Мне не случилось встретить его в Коктебеле в то лето, когда он приезжал отдыхать (а был он там, увы, всего один раз) и то немного, что знаю о его Коктебельской жизни, рассказала мне мать.

Он снимал комнату в одном из домиков поселка и, естественно, был гостем в Волошинском доме. Был он высок, сутул, черноволос, с узким лицом, большим носом, в пенсне; был он изящен, застенчив и немногословен. Позднее, я узнал, что он мог быть остроумным рассказчиком, тем, что называется «душа компании», но для этого ему, видимо, нужна была особая атмосфера: он был камерным человеком, и за короткое время визитов в Волошинский дом не успел там освоиться. К тому же он еще заболел, но об этом чуть позже.

Сын хозяйки домика, где он жил, играл на гармошке и, узнав, что новый жилец тоже имеет отношение к музыке, упражнялся с особым рвением.

«Вы знаете, Мария Степанна- говорил Курт Игнатьевич (так он назывался в те годы)- я люблю гармонику.....но весь день, весь день!»

Да, так вот он заболел. Нет, не нервный срыв, не гармошка его доконала- кажется что-то с желудком, точно не помню. Моя мать, благо она была терапевт, прописала ему какое-то лечение, и он, Слава Богу, поправился.

Вот и все, что я знаю о его Коктебельской жизни. Может кто-нибудь знает больше и сможет дополнить- было бы здорово.

Теперь о Московском периоде. Когда он приезжал в Москву, то звонил матери и говорил одну и ту же очаровательную фразу: «Татьяна Ифанна, если вы не придете на концерт, то для меня это будет- не концерт!»

Мама сияла, и мы отправлялись в консерваторию. Помню был такой цикл концертов: все симфонии Брамса и все концерты Бетховена. За роялем- Гилельс, за дирижерским пультом- Зандерлинг. После каждого концерта в артистической выстраивались две длинные очереди- одна к Гилельсу, другая- к

Зандерлингу. Мы выстаивали свою очередь: благодарили, поздравляли. Курт Игнатьевич- потный и взъерошенный- находил для каждого свою улыбку, свой наклон головы, свое пожатие руки. Он целовал мамину руку, удерживал ее в своей и говорил:» Татьяна Ифанна, как приятно вас видеть».

Случилось так, что мать почему-то стала пропускать концерты, и я ходил на них сначала с женой, а потом один. Курт Игнатьевич перестал звонить нам домой, но приглашение как бы подразумевалось само собой, и в кассе нам оставлялись билеты. После каждого концерта я по традиции выстаивал очередь, поздравлял и передавал привет от матери. С какого-то момента мне стало казаться, что он, хотя улыбается и благодарит, но уже не очень понимает- кто я такой. Мое предположение подтвердилось, когда, очередной раз, выстояв очередь, я пожал его потную руку и сказал, что мама, к сожалению, не смогла придти, но передает большой привет. Он удивленно поднял брови. «Мама ? Где вы могли ее видеть?»После этого я перестал становиться в очередь, но на его концерты ходить продолжал. К сожалению они стали редкими, а потом пришло известие, что Зандерлинг уехал (вернее вернулся) в Германию.

.....Они стали редкими. Но какие это были концерты. Боже, какие это были концерты ! Вот, следуя движениям Зандерлинга, приглушенно мерцает оркестр, и из чьей-то руки начинают падать и рассыпаться жемчужины- это рука Рихтера-адажио из ре- минорного концерта Баха. Завидуйте нам! Мы это видели и слышали.

Прошло много лет. Осенью 1992 года мне случилось по работе быть в Берлине и , гуляя возле Schauspielhaus я увидел афишу, в которой значилось, что сегодня в камерном зале будет вечер, посвященный 80-ти летию Курта Зандерлинга. Я купил билет, благо стоил он относительно, недорого (как сейчас помню-8DM) и отправился туда.

Зал был небольшой, и атмосфера , можно сказать, полусемейная: все между собой знакомы, улыбаются друг другу, здороваются за руку (а не целуются как французы), подводят каких то детей: «Как неужто это Томик?», « Извините, я сейчас вернусь».....все напоминает наши, Московские концерты в Большом, а еще лучше Малом зале, когда собирается «своя» консерваторская публика.

Только я был чужим в этой столь близкой мне среде- ни с кем не знакомый, плохо понимающий язык, погруженный в свой

собственный мир. Ведь для меня это были 60-тые годы, Коктебель, ступеньки Волошинского дома, ступеньки 1-го амфитеатра Консерватории (я любил сидеть справа- под Бородиным), наша старая квартира в Ружейном переулке (телефон: Г-1-53-70), куда Курт Игнатъевич звонил и говорил: «Татьяна Ифанна, если вы не придете на концерт.....», и были мы с ним тогда лет на 30 моложе.

Он сидел на сцене в кресле- вальяжный, моложавый, привыкший к публике, привыкший к поклонникам; грациозно вставал, когда того требовали обстоятельства, и руки его двигались так, как только могут двигаться руки дирижера.

Рядом за столиком сидел ведущий; он задавал вопросы, которые я ,как правило, понимал плохо. Речь же Зандерлинга , как ни странно, была мне довольно хорошо понятна: яснее ли он выражался, лучше ли у него была артикуляция, или за этим стояло что-то еще, какая-то иная форма выражения мысли, вывезенная им «с берегов Невы»?-Сказать не возьмусь.

Оба они: и спрашивающий, и отвечающий, держались легко, непринужденно, подсмеивались друг над другом. Помню такой вопрос: «Ходили слухи, что вы- внебрачный сын Рихарда

Штрауса. Признайтесь, это- правда?» «Нет, увы, это-неправда, хотя моя мать, действительно, дружила с композитором».

Были еще какие-то шуточные вопросы, относящиеся к истории знакомства с его молодой женой. Она и сама вышла на сцену и что-то сыграла не помню на каком инструменте. Вообще звучало много музыки: записи концертов, выступления учеников.....

Потом он сам рассказывал о своей жизни. Говорил, что ему очень повезло: он не попал в руки Гитлера и не был репрессирован в СССР, а, наоборот, нашел там признание и поддержку. Говорил о том, каким счастьем было для него играть с такими великими пианистами как Рихтер и Гилельс, о том, что ему посчастливилось дирижировать Симфонией- концертом, написанным Прокофьевым для Ростроповича, а исполнял ее сам Ростропович. Он говорил, что жизнь его распадается на два периода: Ленинградский и Берлинский, и в каждом из этих периодов рядом с ним стоял великий дирижер: в Ленинграде- Мравинский, в Берлине- Караян.

Ведущий не удержался и задал вопрос «на засыпочку»: какой из этих периодов он считает более важным? Последовала длительная пауза, а за ней ответ, который наверное хотелось

услышать всем немцам: «пожалуй, все-таки Берлинский». Но тут же стал говорить о том, какое влияние оказал на него Шостакович, и какое счастье было дирижировать его симфониями. Знал ли он сам ответ на этот вопрос? - Едва ли.

Ну а затем снова была очередь- поздравления, цветы; какие-то шутки, реплики, и снова он находил для каждого особое поднятие бровей, пожатие руки, особый наклон головы: он умел приобретать поклонников, умел удерживать их- каждый чувствовал, что «если вы не придете на концерт, то для меня это будет- не концерт».

Я встал в хвост очереди, и, когда подошел мой черед, сказал: «Поздравляю вас, Курт Игнатьевич. Так приятно вас снова увидеть»-Лицо его выразило изумление, но русская речь потекла сразу и без видимого усилия.

-Спасибо- сказал он- Только я не могу хорошо вспомнить, где мы с вами встречались.

И тут я напомнил ему про Коктебель, про дом Волошина, про Татьяну Ивановну Бибикову.

- Да, да, Татьяна Ифанна, теперь я начинаю вспоминать. Она..?

- Она умерла.

-Да, да, ведь это было так давно.....

Нет, черт возьми! Я не ожидал, что он заключит меня в объятия, поведет знакомиться с женой, представит друзьям, а потом мы поедем к ним домой (или нет, у них это не принято), поедем в какой-нибудь ресторанчик, где за бокалом доброго вина вспомним былые годы, нет, я этого не ожидал.....и все же, видимо, что-то в этом духе я ожидал.

А на меня в это время с красивого, холеного лица смотрели серые, холодные глаза. Нет, он не был склонен, подобно нам-русским, расплескивать чувства направо и налево. Он берег их для своей прекрасной музыки- и был абсолютно прав.

АНАСТАСИЯ ИВАННА ЦВЕТАЕВА

Я познакомился с Анастасией Ивановой в Волошинском доме летом 1967 года. Была она худа, с подстриженными седыми волосами, и казалась всегда куда-то устремленной. Внешностью и манерами- полная противоположность неспешной, задумчивой Марии Степанне. Анастасия Иванна

была с внучкой Ритой, которую забирала на месяц или два из Павлодара, где та жила со своими родителями. Анастасия Иванна опекала Риту, учила ее языкам и вводила в круг Московской и Ленинградской интеллигенции, пасущейся в Коктебеле. Однако, опека, видимо, была чрезмерной, так как Рита жаловалась моей матери, что бабушка ее затероризировала.

“-Подумайте, Татьяна Иванна,-говорила она- ведь я почти весь год практически предоставлена себе, а здесь, в Коктебеле мне хочется.....” Наверное ей много чего хотелось, но Анастасия Иванна была человеком, который твердо знал “что нужно”, и Рите даны были четкие предписания, когда и в чем купаться, куда и с кем ходить, и отступать от этих правил не разрешалось.

Вообще Анастасия Иванна была человеком категоричным, не склонным к сомнениям и колебаниям. Помню рассказ про то, как Пастернак сказал, что в докторе Живаго в значительной мере изобразил себя, и как она в ответ на это воскликнула: “Как,Борис, этот слизняк, это-вы?!” Она была человеком страстным, бескомпромиссным.

Бердяев, сравнивая себя с Розановым, (которого высоко ценил), писал, что Розанов- человек воды, а он- человек сухого огня. Я думаю, что стихией Анастасии Ивановны тоже был огонь. Она и сама, вспоминая о встречах с Горьким, пишет, что тот спросил: «Что вы больше любите, огонь или воду ?» и она ответила : « Огонь. Я огонь очень люблю». Видимо, огонь отвечал ей взаимностью- он опалил, но не сжег ее за те 15 с лишним лет, что она провела в Сталинских лагерях. Она жила идеями, и была равнодушна к внешней стороне жизни: к ужасу Риты она ходила купаться в ночной рубашке- так ей было удобнее.

Ну а помимо всего этого, она была просто старая женщина, которая прожила долгую, трудную, яркую жизнь и могла порассказать много интересного. Один знакомый молодой человек- Боря Огибенин- говорил мне, что Анастасию Ивановну надо направлять: она могла долго и подробно рассказывать про какие-нибудь житейские пустяки, но если ее “направить”, то так же подробно- вспоминать свое общение с Мандельштамом.

Единственно чего она никогда не вспоминала (по крайней мере при мне) так это свою лагерную жизнь. Очевидно, все с этим связанное, вызывало в ней глубокую

неприязнь. Я помню как, послушав песни Высоцкого, она поморщилась и сказала: “Нет, спасибо. Я этих песен достаточно в лагере наслушалась от бандитов и проституток”.

Мария Степанна была в этом отношении значительно более толерантна. Помню как однажды в гостинной Волошинского дома молодой человек, певший под гитару, спросил ее, какую песню Высоцкого она хотела бы услышать. И Мария Степанна своим неподражаемым голосом, нараспев, сказала: “Ну конечно, мою любимую -”А мне плевать- мне очень хочется !”.

Впрочем, толерантна Мария Степанна была далеко не во всем. Взять, хотя бы книги из Максовой библиотеки. В доме была роскошная коллекция книг, собранных Максимилианом Александровичем. Гостям разрешалось брать книги с полок, читать их, но не выносить из дома. И вот однажды- Мария Степанна мне сама это рассказывала- пришел какой то литератор или искусствовед и попросил разрешение поработать в библиотеке. Ему разрешили. Но, когда он уходил, Мария Степанна, ничтоже сумняшись попросила открыть портфель, который тот держал в руках. «Таможенный досмотр» выявил именно то, что и ожидалось, и, хотя искусствовед смущался,

кался, клялся, что хотел взять книги на одну ночь и завтра же поставить на место, книги были, естественно, конфискованы, а путь ему в дом закрыт.

Уж коль скоро я начал говорить про Марию Степанну, то не могу не сказать, что отношение ее к Анастасии Иванне было непростым. Я не берусь судить об этом глубоко- мои впечатления обрывочны. Двух этих женщин связывали многие годы общения, и в чем- то, наверное, они были очень близки, но я хорошо помню скепсис многих высказываний Марии Степанной в адрес подруги. Была, например, такая трагическая история: много лет назад у Анастасии Ивановны в Коктебеле умирал ребенок. Чтобы его спасти она дала зарок на коленях обойти весь поселок. И обошла. Мальчик умер.....Я помню как Мария Степанна, кривя губы, говорила, что лучше бы Ася попыталась сделать для ребенка что- то реальное. Но Анастасия Иванна рассудила иначе..... Да, много в ней всего было: и взбалмошность, и доброта, и надменность, и, уж конечно , - независимость.

Летом 67-го знакомство наше было довольно поверхностным: встречи на балконе Волошинского дома, какие- то незначительные разговоры.... . Но, видимо чем- то я ее

заинтересовал, потому что осенью того же года, уже в Москве, она мне позвонила, и между нами завязалась дружба с каким-то романтическим оттенком, который, как я заметил, часто присущ дружбе между молодым (относительно молодым: мне было 33 года) человеком и пожилой благородной дамой. Сразу должен оговориться- я был не один: вокруг Анастасии Ивановны было много молодежи, в том числе и уже упомянутый Боря Огибенин. Но мне казалось, что она как-то выделяет меня из числа остальных.

Возникли планы встретиться в Коктебеле на следующий год, и летом 68-го года Анастасия Ивановна прислала мне первую открытку.

Всего их пять: пять открыток и одно письмо. И, собственно говоря, написать эти строки меня побудило то, что, разбирая старые бумаги, я достал ее послания, начал их перечитывать, и все всплыло.

Писала Анастасия Ивановна так же как и жила: не слишком заботясь о внешней стороне. Когда, исписав размашистым почерком открытку «вдоль», ей не хватало места, она начинала писать на полях «поперек», а, если и это было мало, то переходила на ту сторону, где обычно пишут только адрес. В

результате я иногда мог четко разобрать свое имя, а остальное приходилось расшифровывать.

Август 68-го

« Милый Володя- еще раз: вот моя перемена адреса- упомяните фамилию владельца дачи Изергину М.Н.(так как меняют номера улиц и домов). Я пишу, а она села за рояль повторить кое- что для вечернего пения у Марии Степанны. Живем в ее маленьком тихом доме и чудном саду вдали от шума моря. Спросила ее об уголке для Вас. Сказала, что есть, пусть приезжает. Вот Вам чертеж, ежели захотите

Приезжайте ! Кто знает, в будущем году буду ли на сем свете, а если буду- смогу ли ходить.....Тут кроме Южного перевала есть еще Библейская долина. Погода стоит чудная, купаются во всю.

Бывают автобусы (вроде маршрутного такси) у самого вокзала- до Планерского. 24-го мы уезжаем.»

Осенью того же года Анастасия Иванна сообщила, что решила записывать сны и посылать мне эти записи. Увы, она записала (или, по крайней мере, прислала мне) только один, из

которого следует, что летом 68-го года я в Коктебель не приехал.

Сон на 07 11 68

«Володя! Должно быть я в яви- от хорошего воспитания- слукавила, не упрекнула Вас- за что? А вот слушайте. Когда на следующий за днем ночь я уснула, и какие то Ваши, нейрофизиологов, центры тоже ушли на покой, я увидела себя, сидящую между неким престарелым человеком и Вами. Ему, усмехаясь, я говорила о Вас: подумайте, ему ведь 30 с чем-то, а мне 74! Ведь я ему вдвойне- мать-бабушка! Ну куда же годится воспитание нынешней молодежи! Мужчина! Сказал по телефону о Коктебеле- « А, этот план мне нравится. Думаю, что приеду. Нет, не на машине- поездом». Услыхал мое- И отлично! До свидания! И он поехал не в Коктебель, а куда-то на охоту! Ведь он же сам решил это- почему же не сообщил- «не приеду», из уважения к старому человеку! Я ведь Пиковая Дама, обо мне- опера (последние слова уже наяву). А я ждала, что приедет, что вытащит меня в горы, как ходили в прошлом году, написала ему, а он месяца два спустя: «Ваши открытки я получил уже после приезда с охоты»- думаете ответил он ? Ни-ни. А в Коктебеле, продолжала я жаловаться сонному старику- была

тоска, никого с кем бы поговорить, все эти восторги моей публикацией, лицемерие или игра в сенсацию, знакомьтесь с писательницей, с сестрой Марины Цветаевой- и я кланялась, улыбалась, что-то мычала- что я им могу о Марине? А о себе - я же все напечатала, что удалось, с меня взятки- гладки- нравится? Мне тоже!

« Ну и дальше» Это как сказал Булгаковский кот, помните? Отставив черную лапу (на задних) Ну, телеграмму послал я! Дальше что?!.....И не с кем было- чтобы повел Пиковую?- в горы.....(часть последних фраз, Володя, уже наяву. А Вы, сонный, мычали.) И я Вам сонному, сказала стихи Чурлениса- Вокзал, дни 1???: «Вот светает, собою всех зацепляя, неловко несет молодой адъютант Старой Даме чашку чая- А та поправляет ему аксельбант» Чашку чая мне не подали, Володенька, и я не смогла поправить Ваш аксельбант. Преподаю Вам науку вежливости? Мама не рассердится на меня? И м.б. я этим сном и его записью поправила Ваш аксельбант?

АЦ

Преподав мне науку вежливости, Анастасия Иванна не лишила меня своего расположения. Вот тому свидетельство.

19. 12. 69

Дорогой Володя!

Поздравляю Вас с Новым Годом, желаю нового счастья и нового прилива сил- и сообщаю, что у Вашего папы есть 3-я книга, и как Вы это не знаете- я не знаю.

1-ая книга, которую я читаю- «Веселые ручьи» (рассказы).

2-ая куплена в Старом Крыму- «От первых проталин.....»

А 3-я-ее у меня нет- («У птенцов подрастают крылья»)- и ее извольте мне к моему новому году- приготовить и с нежной надписью подарить.

Список с именами моих друзей, желающих на RR 23-го я высылаю с адресами- и надеюсь, что Вы билет получите по почте.

Сейчас 1ч 15м ночи, и я очень хочу спать, Пишу, облокотясь о рояль, на котором Вы мне поиграете. А.Ц.

P.S. «Ваня» в «Веселых ручьях», на охоте- Вы?

Здесь надо кое что пояснить. RR- это Ромен Роллан. Его вдова, с которой Анастасия Иванна была знакома в молодые

годы приезжала в Москву в декабре 69-го. В честь ее был устроен прием в Доме литераторов или где-то еще- точно не помню. Анастасия Иванна пригласила меня пойти с ней, предварительно спросив- люблю ли я Ромэ Ролла, и, когда я начал что-то мямлить, сказала, что она его не любит, но с Майей Кудашевой ей повидаться хочется.

В конце вечера Анастасия Иванна повела меня знакомиться с Марией Павловной, которая к тому времени, я думаю, уже сильно устала и, естественно, не проявила ко мне ни малейшего интереса. У меня осталось смутное воспоминание об этой элегантной седовласой женщине, которая никак не ассоциировалась с той, о которой Макс Волошин писал:

«....Кто ты? Дитя, Царевна, Паж?

Тебя такой я принимаю.

Земли полуденный мираж:

Иллюзию, обманность...-майю »

Вот еще несколько открыток, в которых чудятся мне Киммерийские холмы, перевалы, полынь, море и высеченный судьбою и ветрами профиль Макса Волошина.

20.10.70

Милый Володя! Что Вы, где Вы, как здоровье и настроение? Откликнитесь! Я провела лето в Кясму (Эстония, 4е лето) с Олей . 5 недель прожила у своих в Павлодаре- очень устала- и, дождавшись лучшей похвалы Оле на музыкальном родительском собрании- (она одна играла наизусть Чайковского, а знала еще Вариации Паганини и 7 маленьких прелюдий Баха и еще и еще), я уехала, заповедав ей прилежание. Тревожусь о Рите (опоздала на поезд меня проводить, как хотела? Что помешало?).....Будь Вы тут- пошли бы на Северный перевал по Татарским холмам. В V111 этом мне минуло 76. Тут чудно: море, горы, Макс, мастерская, хорошая молодежь- и память о себе тут с 16-27 лет. Больше нигде так не дышится!

Храни Вас Бог! Ваша А. Цветаева

04.10.71

Володенька! Пишу из Нового Света, где мы с Евг. Фил. (неразборчиво) едем назад в Коктебель к Марии Степанне, где проводим 1 неделю. Завтра, 5- го едем в Старый Крым тоже на 1 неделю и 12- го в Москву. В Москве у меня Рита. Тщетно пока

пытается устроиться в подмосковье на работу преподавателя английского языка или переводчика (эту зиму она работала в Павлодаре, но туда ей не надо на зиму- холодно, а это ей не годится. Беспокоюсь о ней. Позвоните ей 299 60 38, спросите не устроилась ли. И-если раскинете умом- м.б. что-нибудь услышите для нее полезное? Нужна подмосковная прописка. Я (через литфонд) могу ей только временную на 1-2 месяца. А такая прописка не дает право работать. В Крыму-чудно. Нет Вас взойти на Южный перевал. Храни Вас Бог. А.Цветаева

10.10.71

Володя, ау! с-(завтра из Старого Крыма едем в Коктебель с Евг. Фил.Куниной-) Коктебельских гор. Приедем- а Вас нет. Рита сказала, что Вы писали, что звонили. А я и не звонила, зная что Вас в квартире нет.....И стыдно, стыдно, Володя, что обе папины книги я купила 1. в Павлодаре, 2.-в Старом Крыму- а не Вы мне их подарили.....но надпишите, покаянно. Лето прошло в Эстонии, с Олей, а на месяц и Рита приезжала. Перешла на 4- й курс. Привет от меня и от Жени Куниной.

Ваша А. Цветаева

Наша дружба началась, как я уже сказал, летом 67-го и длилась до 72-го года. А потом, вдруг «.....моя Земфира охладела.» Охладела и потеряла ко мне интерес. Сначала я недоумевал: почему? Что дурного я совершил? А потом понял-ничего я не совершил: просто в ее природе, так же как и в природе Марины, было заложено- увлекаться людьми, втягивать их в свою орбиту, подчинять себе, а потом охладевать и терять к ним интерес.

Мы виделись иногда и потом, и она была неизменно приветлива и подарила мне книгу своих воспоминаний с надписью: « Дорогому Володе Скребницкому на добрую память о Цветаевых, о старой Москве, о многих людях и странах, обо всем невозвратном...», но.....это было уже не то.

Может быть все же тогда, по молодости лет, я был к ней недостаточно внимателен, недостаточно ценил ее дружбу. А сейчас, по прошествии более четверти века, думая о ней , испытываю такую теплоту, и слышится мне : «Володя, ау с Коктебельских гор»